

ные: "От роду 23 года, роста среднего, лицом чист..." и так далее. Если же Дубровскому 23, а Маша моложе его на 2 года, ей никак не может быть меньше чем 21 год.

Еще более поразительная "ошибка" есть в "Войне и мире". Лев Толстой знакомит читателей с княгиней Болконской на первых страницах романа в салоне Анны Павловны Шерер. Лиза, жена князя Андрея, ждет ребенка. Она, "прошлую зиму

года, в день возвращения А.Болконского с войны. Таким образом, получается, что носила она своего ребенка как минимум тринадцать месяцев.

Но самую потрясающую "ошибку" обнаружил один харьковский филолог еще в конце XIX века. Он открыл, что герой поэмы Н.Гоголя "Мертвые души" Чичиков уезжает из города N в поместье Манилова зимой, а приезжает к Манилову... летом. По-

дело в том, что художественный образ развивается по своей, отличной от бытовой, логике. Представим себе на минуту, что Толстой исправляет свою "ошибку". Тогда княгиня Болконская должна была бы забеременеть без участия князя, который, как известно, вскоре после визита к А.П.Шерер уехал в действующую армию, либо умереть в родах до его возвращения. Из романа исчезло бы так много, что это был бы другой роман, если бы вообще был.

Если бы Пушкин оставил героине один возраст, скажем, семнадцать лет, а Дубровскому, дорожа его детскими воспоминаниями, девятнадцать, то тогда ему тоже пришлось бы писать другой роман, потому что девятнадцатилетний мальчишка никак не может сотворить такое, что сделал бывалый двадцатитрехлетний офицер.

С другой стороны, и двадцать один год — возраст, не подходящий для героини, ибо по всем законам XVIII века — это уже засидевшаяся "в девках" особа. Можно было бы оставить все как есть — одному двадцать три, другой — семнадцать. Но тогда пришлось бы выбрасывать из романа детские воспоминания Дубровского: не может же семилетний мальчишка с удовольствием и подолгу играть на холме с годовалой девочкой и помнить потом об этом всю жизнь.

И для Гоголя чичиковская "шинель на больших медведях" важнее климатических сообразностей, потому что для его художественного мира внешние детали образа важны чрезвычайно.

Показать в гостинице города N героя, который не толст, не тонок, не высок, не низок, но хочет казаться и кажется большим человеком, писатель мог только одним способом — одев его соответственно, в "шинель на больших медведях".

На эти "ошибки" гениев обращают внимание только очень уж вездливые литературоведы. У графоманов все несурозности просто лезут наружу, а великие потому и велики, что все в их произведениях естественно и неизменно. Даже "ошибки". И потому прав Пушкин, признавший в конце первой главы "Евгения Онегина":

*Пересмотрел все это строго:
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу.
И не надо.*

Владимир ВЕРИН.

«Ошибки» гениев исправлению не подлежат

Непостижимые, с точки зрения житейской логики, ошибки открываются внимательному читателю в любимых с юности произведениях русской классики. "Этого не может быть!" — воскликнет он вначале. Но ведь и по-другому невозможно!

ОТКРЫВАЕМ роман А.С. Пушкина "Дубровский" и задаем простой вопрос: сколько лет было Маше Троекуровой, когда Владимир Андреевич Дубровский под видом француза проник в ее дом? Оказывается, было у нее тогда два возраста — 17 и 21 год.

Пушкина об этом сказано так:

"В эпоху, нами описываемую, ей было 17 лет, и красота ее была в полном цвете". Но несколькими страницами ранее сказано: "Дубровский вспомнил, что на сем холму играл он с маленькой Машей Троекуровой, которая была двумя годами (! — В.В.) его моложе и тогда уже обещала быть красавицей".

Если Маша моложе Володи на два года, то ему должно быть только девятнадцать лет и ни годом больше. Но когда исправник читает приметы разбойника Дубровского, он приводит абсолютно точные дан-

вышедшая замуж и теперь не выезжавшая в большой свет по причине своей беременности, но ездившая еще на небольшие вечера", вела себя соответственно своему положению. И было ясно, что месяца через три-четыре князь станет счастливым отцом. Напомним, что действие происходит в июле 1805 года.

Умирает княгиня в родах 19 марта 1806

чему зимой? Да потому, что надета на него была "шинель на больших медведях", а такие шубы летом, как известно, не носят.

Неужели Толстой не знал, сколько месяцев женщина вынашивает ребенка, Пушкин не мог правильно вычестить два года из двадцати трех, а Гоголь был не знаком с особенностями русского климата? Конечно же, нет.